

Междометия и звукоподражательные слова – это особый пласт слов в рассматриваемых языках.

По морфологическим и синтаксическим особенностям к междометиям примыкают звукоподражательные слова. Они не являются сигналами чувств, а представляют собой весьма условную имитацию звуков окружающего мира. В русском и французском языках данные разряды слов различаются, что связано с их национальной спецификой.

Источники и литература

1. Андреева В.Н. Лексикология современного французского языка. – М., 1955. – 195 с.
2. Бабаян М.А., Флерова Н.М. Практическая грамматика французского языка. – М., 1964. – С. 418.
3. Гак В.Г. Беседы о французском слове. – М., 1966. – 335 с.
4. Илия Л.И. Грамматика французского языка. – М.: Высшая школа, 1964. – 304 с.
5. Рошупкин Е.А. Краткий справочник по грамматике французского языка. – К., 1997. – 239 с.
6. Тучкова Т.А., Критская О.В. Пособие по переводу с французского языка на русский. – М.-Л., 1964. – 240 с.
7. Melnik S. Le français le tous les jours. – М.: Высшая школа, 1986. – 335 с.

Поступила в редакцию 01.07.2005 г.

УДК 81'362[.161.1+512.145]

Алиева В.Н.

АНАЛОГИ КРЫМСКОТАТАРСКИХ ПОСЛЕЛОГОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируются крымскотатарские послелого, раскрывается их своеобразие по сравнению с русскими предлогами.

Ключевые слова: послелого, предлоги, служебные имена, надежные аффиксы

У статті аналізуються кримськотатарські прийменники, розкривається їх своєрідність порівняно з російськими прийменниками.

Ключові слова: прийменники, службові імена, відмінкові аспекти

The article deals with postpositions in Crimean tatar language comparing with Russian prepositions.

Key words: postpositions, prepositions, service parts, case affixes

Совершенствование грамматики крымскотатарского языка шло под влиянием внутренних и внешних факторов. Его современная морфологическая система характеризуется увеличением количества аналитических конструкций, которые являются сочетанием знаменательного и служебного слов. Центральное место в развитии именных аналитических форм занимают послелого: *гуль киби дюльбер – красивый, как роза; баладай агълавукъ – плаксивый, как ребенок*. Характеристику послелогов в тюркских языках обычно принято давать путем сопоставления с предлогами русского языка. Послелого как особые средства выражения синтаксических отношений во многом напоминают предлоги. Тюркологи отмечают и своеобразие данной категории (особенно так называемых служебных слов). Это касается места, занимаемого ими относительно знаменательных слов, ограниченности количества, своеобразие падежного управления, тем не менее, мы придерживаемся мнения о том, что наличие в двух разнотипных языках «небольшого или большого количества лексических, морфологических и других параллелей заслуживает серьезного внимания и в какой-то мере является предпосылкой для сравнительного исследования, но не надо забывать, что оно обусловлено не только генетическими связями языков» [12, с. 4].

В тюркских языках одним из важнейших средств выражения разных отношений к предмету являются служебные слова, в состав которых входят и послелого.

Послелого (лат. *postpositio*) – это служебные слова, выражающие синтаксические отношения между именами и между именем и глаголом.

Послелого используются для связи слов в словосочетании и предложении, для дополнения, конкретизации основного компонента, с которым они сочетаются. Выражая разные синтаксические отношения, послелого позиционно следуют за управляемыми ими словами. Эта категория имеет место во всех тюркских языках, основной базой для нее послужили знаменательные слова, которые, постепенно грамматализуясь, утратили свою самостоятельность. Часть послелогов возникла из слов со значением названий человеческого тела, его одежды и повседневной деятельности (например, *бурун – нос, этек – подол* и другие). Подобное явление, связанное, по-видимому, с особенностью мыслительной деятельности предков, наиболее рельефно проявилось в тюркских языках.

В силу утраты знаменательности и усиления формальной стороны слова, перешедшие в послелог, становятся выразителями синтаксических отношений, подобных отношениям, выражаемым падежными аффиксами. Это сходство послужило в свое время основанием для отождествления послелогов и падежных

указателей. В «Грамматике турецко-татарского языка» М. Казембека к послелогам относят и «буквы или слоги, характеризующие падежи, а также служебные имена, вспомогательную частицу» [7, с. 356].

Являясь средством связи слов в предложении и выражая разную соотношенность между членами предложения, функционально послелогои тесно связаны с падежной системой. Однако послелогои не достигли той степени грамматикализации, которая характерна для последних.

Некоторые послелогои могут максимально приближаться по своим синтаксическим признакам к падежным аффиксам, тем самым увеличивая число «агглютинативных прилеп», а значит, и укрепляя агглютинативный строй языка. Развитие падежных аффиксов из послелогов – явление, характерное не только для тюркских языков. П.С. Кузнецов, например, в «Очерках по морфологии праславянского языка» связывает происхождение падежных формантов в славянских языках со служебными частями речи [9, с. 43–48].

Н.К. Дмитриев, описывая возникновение и развитие послелоговых аффиксов из знаменательных слов, отмечает, что «прежде всего мы имеем отдельное слово с реальным значением, которое характеризуется стабильностью звукового состава, самостоятельностью ударения и способностью к морфологическим изменениям, свойственным определенным частям речи. Следующая фаза морфологического развития – переход отдельного слова в разряд служебных слов, обычно это имена и глаголы, которые не отличаются от данных слов с точки зрения формы, однако утрачивают полновесную семантику и выражают только грамматические понятия или грамматические отношения». Третьей фазой морфологического развития слова является образование послелогов, которые имеют стабильный звуковой состав, но не сохраняют ударения и, по мнению ученого, характеризуются «чисто грамматической семантикой», «окаменевшей формой», «полной неизменяемостью» [4, с. 50–53]. Последняя фаза развития – образование грамматических аффиксов с отсутствием стабильного звукового состава, наличием ударения и зависимостью от корня или основы.

В отличие от полнозначительных слов послелогои, так же как и предлоги, не имеют значения предметности, однако в большей или меньшей степени сохраняют лексическую значимость.

А.М. Пешковский отрицал наличие лексического значения в служебных словах, определяя их как «чистую форму, одну сплошную форму без содержания» [10, с. 66].

Подводя итоги изысканиям русских языковедов, В.В. Виноградов в своем учении о частях речи как основных лексико-грамматических типах разграничивает четыре структурно-семантических разряда слов, среди которых служебные (частицы речи, по терминологии В.В. Виноградова) слова характеризуются совпадением лексических, грамматических, логических функций. «Они принадлежат к той сфере языковой семантики, которая отражает наиболее общие, абстрактные категории бытийных отношений – причинных, временных, пространственных, целевых и т.д. В них вещественное содержание и грамматические функции совпадают. Их лексические значения тождественны с грамматическими. Эти слова лежат на грани словаря и грамматики и вместе с тем на грани слов и морфем» [3, с. 30]. Признавая лексическую значимость русских предлогов, В.В. Виноградов подчеркивает, что в данном случае это понятие наполнено иным содержанием, нежели в знаменательных словах, так как подобные слова не имеют «вещного содержания» и в них отсутствует «вещная отнесенность» [3, с. 43].

В тюркологии по поводу наличия лексического значения у послелогов также нет единого мнения. Тюрколог Н.А. Баскаков описывает послелогои как слова, «выражающие только грамматическую форму других слов и не имеющие значения конкретных или абстрактных лексических значений» [2, с. 474].

Ф.Р. Зейналов (азербайджанский язык), считая неверным мнение об отсутствии лексической семантики у послелогов, пишет: «Во-первых, послелогои выполняют вспомогательную функцию именно потому, что они лишены реального лексического содержания, реальной семантики. Их содержание, значение определяется, главным образом, предшествующим словом. Кроме того наличие в языке (и в служебных частях речи) переходных слов способствует отражению в некоторых словах значений, связанных с этимологией данного слова. Наличие некоторого лексического значения в послелогох связано именно с тем, что в системе послелогов имеются слова, которые выполняют те же функции. При этом следует иметь в виду еще одно обстоятельство, а именно: в послелогох лексическое и грамматическое значения соотносительны, и последние всегда преобладают» [6, с. 32].

Вопрос о морфологической неизменяемости послелогов также вызвал среди лингвистов-тюркологов довольно много споров.

Часть тюркологов, признавая возможность присоединения к послелогам словообразовательных и словоизменяемых аффиксов, имеют в виду прежде всего служебные имена. Когда Н.А. Баскаков отмечает изменяемость послелогов, то подразумевает под этим послелогои – изолированные формы знаменательных частей речи (то есть служебные имена) [1, с. 84].

Материалы крымскотатарского языка свидетельствуют о возможности присоединения ко многим из них аффиксов принадлежности, множественного числа, аффиксов со значением неполноты признака, вопросительной частицы *-мы/-ми*, падежных аффиксов. Приведем примеры:

– Ненен кетти, – деди онъа келин.
– Машина**ненми**?

– На чем уехала? – спросила у него невестка.
– На машине?

- Екъ. – Нет.
 – Автобус~~енми~~? Айса [А., 86]. – Автобусом? Конечно!

Возможны присоединения уменьшительных аффиксов *-чик/-чыкъ*:

Бала *къадарчыкъ* олгъан.

И параллельная форма:

Балачыкъ къадар олгъан // Стал как ребенок.

Принимая аффиксы принадлежности, послелогои крымскотатарского языка субстантивируются:

Мында сизинъ *кибилерини* ич корьгеним екъ [Йыл., 1., 37]

Я никогда не видел здесь людей, подобных вам.

Сизинъ *кибисини* ерде, керчектен де корьмедим [А., 50]

Подобных вам, правда, не видел.

Таким образом, некоторые черты своеобразия по сравнению с русскими предложениями заключаются в возможности присоединения ко многим из них различных аффиксов.

В словосочетании послелогои характеризуются способностью синтаксического сочетания со знаменательными словами (существительными, местоимениями, именной формой глагола или субстантивированным словом из других частей речи), которые стоят перед ними и образуют вместе с послелогом зависимый член предложения, управляемый другим членом предложения.

Управление – один из видов подчинительной связи, при котором падежная форма управляемого слова определяется лексико-грамматическими свойствами управляющего слова. В тюркских языках подчиненная часть словосочетания выражается именами и субстантивированными словами, управляющая часть – спрягаемыми глаголами, глагольными формами и послелогоми.

Послеложное управление в тюркских языках имеет свои особенности, поскольку послелогои не обладают в полной мере семантической самостоятельностью, а значит, не имеют возможности образовать словосочетание.

Послеложное управление в крымскотатарском языке относится к наиболее распространенному. Послелог – важнейший элемент словосочетания, что не мешает ему оставаться вспомогательным средством, так как основное значение имеют семантика и грамматическая форма стержневого компонента. Мы считаем, что к вопросу об управлении стержневых слов послелогоми следует подходить с большой осторожностью. Вероятнее всего, эти слова, будучи самостоятельными и полнозначными, обладали способностью к управлению каким-либо падежом, эту способность они сохранили и в служебной функции. При этом наблюдается своеобразное распределение: слово-доминанта, подчиняющее и требующее какого-либо падежа существительного, выступает как вспомогательное средство (послелог), в котором первичная форма сохранилась в застывшем виде, содержание же полностью изменилось. Таким образом, исключение словосочетаний со служебными словами (в данном случае с послелогоми) представляется нецелесообразным.

Лексическая значимость послелогов иногда настолько велика, что ими во многом определяется семантическая сторона словосочетания: *бала киби чапмакъ*, *бала ичюн чапмакъ*, *баланен чапмакъ*, т.е. «бегать, как ребенок, бегать из-за ребенка, бегать с ребенком».

Итак, послелогои употребляются после управляемых ими слов и уже служат для выражения объектно-субъектных и определительно-обстоятельственных отношений. Отметим, что в отличие от русского языка в крымскотатарском языке эти виды отношений, как и категория послелогов, практически не исследованы.

Существует несколько классификаций послелогов, которые учитывают следующие признаки: этимологическую природу послелогов; степень их грамматикализации; падежное управление послелогов.

Тюрколог Н.К. Дмитриев в своих трудах по проблемам категории служебных слов в тюркских языках выделял послелогои и служебные имена, последние строго разграничивались и делились с позиций плана (горизонтального и вертикального), а также «смыкающихся» и «несмыкающихся» плоскостей (то есть находящихся вблизи друг от друга и на некотором расстоянии) [4, с. 188; 5, с. 31].

Исходя из материалов по тюркологии и теоретических разработок по славистике, а также из генетических и морфологических признаков послелогов крымскотатарского языка, мы выделим три группы: а) собственно послелогои; б) отыменные послелогои; в) отглагольные послелогои.

Первая группа послелогов, возникнув из самостоятельных слов, настолько видоизменилась, что ее происхождение трудно установить. Эти послелогои, как и в русском языке первообразные предлоги, характеризуются потерей реальной семантики, предельным многообразием передаваемых значений, так как по сути относятся к формально-грамматическим элементам, наиболее приближенным к падежным показателям. Данные послелогои древнего происхождения, поэтому в тюркологии их еще называют послелогоми древнего происхождения (первообразные послелогои). Они входят в основной словарный фонд языка. Собственно послелогои, как и предлоги, тесно связаны с падежной категорией, так как глагол или глагольное имя управляет послелогом, а он, в свою очередь, управляет падежом. Функционально

сближаясь с падежными аффиксами, данные послелого дублируют их: *алмагъа чыкътым, алмакъ ичюн чыкътым* (вышел для того, чтобы взять).

Отыменные послелого образованы от имен существительных, прилагательных, местоимений и наречий, то есть генетически они связаны с именами и до настоящего времени существуют не только в качестве послелога, но и как знаменательное слово. Это послелого *сонъ/сонъра, эвель, къадар, якъын, узере/узъре, башкъа, бою, боюнджа, бурун, акъкъында*.

В этой группе мы рассматриваем так называемые служебные имена. Являясь вторым компонентом изафетного сочетания, в грамматических падежах они имеют именную форму, а в пространственных падежах выступают в служебной функции, являясь по форме существительными, а по значению послелогоми.

Это особая группа слов типа *алд, арт, аркъа, баш, усть, ич* и другие. Для исследуемой группы слов характерно то, что «в служебном (грамматикализованном) использовании, органически сливаясь с падежом и растворяясь в чисто грамматических функциях свое лексическое значение, превращаются в формально-грамматический элемент, осложняющий значение падежа особыми, главным образом, пространственными значениями ...» [8, с. 328].

Следует отметить, что в процессе закрепления данных слов в служебной функции происходило абстрагирование значения, но оно не становилось полностью отвлеченным: его «отягощала» прежняя вещественность. Как отмечает А.М. Щербак, «лексические значения имен, устойчиво выполняющие служебные функции, не утрачиваются, а лишь перестают быть центрами смысловой структуры» [12, с. 57].

Первоначально конкретное значение некоторых служебных имен было связано с обозначением частей тела и органов человека: они явились отправной точкой пространственной ориентации. По ассоциации сходства и смежности названия частей тела переносились на предметы, окружающие людей. Возникла необычная ситуация: для того, чтобы сказать о местонахождении предмета за чем-либо, стали употреблять выражение *аркъасында*, что дословно означает «за спиной кого-чего-либо». В других случаях стали говорить о «боке», «переде», «животе» предмета (*горы, дома, реки* и другие). В перечень этих слов включаются названия частей тела и органов человека (*баш – голова, аякъ – нога, ич – нутро, внутренности, бурун – нос* и др.). Они дополняются одеждой и особенностями человеческой деятельности (*этек – подол, чет – край, сторона, удж – край, вершина, конец, бой – рост, протяженность*), а также группа слов со значением конца, меры, предела, повода.

Со временем локальные значения дополнились темпоральными: *алд* означает *перед* (местонахождение); в настоящее время в крымскотатарском языке, кроме этого значения, оно приобрело способность выражать временные отношения (раньше, за ... до); сравните: *эв алдында* – перед домом; *эки саат алдында* – за два часа до ...; *эвинъ ичинде* – в доме; *бир йыл ичинде* – за год.

Образование новой лексической единицы в целом не затрагивает существования исходной лексики, которая в большинстве случаев продолжает употребляться в языке параллельно трансформанту.

Поскольку лексические значения этих слов-трансформантов самым тесным образом связаны с грамматическими значениями падежных аффиксов, то сочетаются они только с пространственными падежами: дательным, местным, исходным. В отличие от собственно послелогов синтаксическая связь с управляемым именем оформляется с помощью изафетной конструкции. Таким образом, эта конструкция состоит из имени и послелога, оформленного аффиксом принадлежности и падежным аффиксом (изафет II).

Итак, подобное слово в служебной функции, сочетаясь с именем, находящимся в препозиции, образует не совсем обычное изафетное сочетание, где лексические значения имен изменяются «в направлении заложенной в их семантике способности к выражению релятивности» [11, с. 12].

Взяты изолированно, эти слова являются именами существительными. В вышеуказанных конструкциях они выступают в служебной функции послелога и соответствуют русским предлогам.

Исходя из синтаксической роли этих слов и семантических сдвигов, которые в них наблюдаются, мы рассматриваем их в составе отыменных послелогов. Подобные слова – результат обособленных именных единиц в форме пространственных падежей.

Нияр анасынынъ *артындан* буюк кедернен бакъып къалды [У.Э., 164]. – Нияр смотрела вслед матери с большой грустью.

Бизге, XX асырынъ *башларында* дюньягъа кельген несильге бу девир, бу йыллар унутылмаз, фаджиалы йыллар олды [Йыл., 96, 78]. – Для нас, родившихся в начале XX века, это время, эти годы стали незабываемыми.

Можно предположить, что образование послелогов отглагольного происхождения приблизительно такое же, как и у отыменных послелогов. Однако выбор семантических признаков несколько иной. Это отбор слов, в которых есть возможность развития значений направления, цели, причины и т.д.

Тем не менее, «четкой границы между именными и глагольными послелогоми нет, вследствие того что глагольные формы восходят к именам действия и так или иначе проявляют признаки грамматической природы» [12, с. 54-55].

Основное отличие собственно послелогов, как и русских непроемных предлогов, в том, что они выступают только в функции служебного слова (полная грамматикализация, потеря лексической значимости), тогда как отыменные и отглагольные послелогии и предлоги сосуществуют наряду со знаменательными словами (лексико-грамматические омонимы).

Анализ и классификация послелогов крымскотатарского языка – сложный и запутанный вопрос. При систематизации имеющегося материала мы опирались на труды известных лингвистов: К.С. Аксакова, В.В. Виноградова, Н.К. Дмитриева в области морфологии. Учитывая конкретные условия функционирования разносистемных языков, отметим, что русские предлоги передаются на крымскотатарский язык, в основном, тремя способами: при помощи падежных форм, послелогов и сложными формами (служебное имя + форманты падежей). По характеру передаваемых значений послелогии мало отличаются от предлогов. Кроме того, как и предлоги, послелогии указывают на подчинение слова и сочетаются с определенными падежами. Переход знаменательных слов в служебные – закономерный процесс, характерный для данных языков. Но темпы и формы его проявления довольно разнообразны.

Развитие послелогов в крымскотатарском языке, как и русских предлогов, связано с осложнением форм суждения, закреплением более обобщенных понятий. Так, на страницах газет и журналов в настоящее время широкое употребление получили служебные имена типа *эсасында* (на основании, на основе), *негизинде* (на основе), *девамында* (в продолжение), *меселесинде* (по поводу, относительно) и др.

Материалы крымскотатарского и русского языков дают возможность сопоставить два состояния предложно-падежных систем и определить основные пути развития категории служебных слов.

Итак, одним из путей обогащения языка является развитие категории служебных слов. В тюркских языках к таким внутренним фактам эволюции относится функционирование послелогов наряду с падежными аффиксами.

Источники и литература

1. Баскаков Н.А. Ногайский язык и его диалекты. Грамматика, тексты, словарь. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 272 с.
2. Баскаков Н.А. Послелогии// Каракалпакский язык. III. Фонетика и морфология. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 482-514.
3. Виноградов В.В. Русский язык: (грамматическое учение о слове). – М., Л.: Учпедгиз, 1947. – 773 с.
4. Дмитриев Н.К. грамматика кумыкского языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 206с.
5. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 276 с.
6. Зейналов Ф. Р. Послелогии как лексико-грамматическая категория (на материале тюркских языков)//Учен. Зап. Азербайджанского государственного университета. – Баку, 1966. – № 3. – С. 28-38.
7. Казем-Бек М.А. Грамматика турецко-татарского языка. – Казань, 1846. – 457 с.
8. Кононов А.Н. Послелогии // грамматика современного турецкого литературного языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 312-345.
9. Кузнецов П.С. историческая грамматика: Морфология. – М.: Изд-во МГУ, 1953. – 306 с.
10. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1938. – 452 с.
11. Черкасова Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги. – М.: Наука, 1967. – 280 с.
12. Щербак А.М. Служебные части речи. Послелогии// Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (наречие, служебные, изобразительные слова). – М.: Наука, 1987. – С.50-92.

Поступила в редакцию 18.07.2005 г.